

В. Мещерский

**Кавказский путевой
дневник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Мещерский**
Кавказский путевой дневник / В. Мещерский – М.: Книга по Требованию,
2014. – 378 с.

ISBN 978-5-4241-9372-9

Кавказский путевой дневник.

ISBN 978-5-4241-9372-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

намъ обѣщать, что когда наступитъ вами столь легкомысленно желаемый миръ, вы намъ дадите для души отрадное и облагораживающее зрѣлище людей, всецѣло преданныхъ духовнымъ нуждамъ своего государства и народа,—они затыкаютъ себѣ уши и говорятъ вамъ: какіе тамъ духовные интересы, какое тамъ государство, какой тамъ народъ; мы хотимъ мира для себя; курсъ до того упалъ, что нельзя ни ѣхать за-границу, ни выписывать изъ Парижа и Лондона платья и вещи! Такова приблизительно среда, желающая мира во что-бы ни стало. Ей ненавистны не только Аксаковъ и Катковъ, но ненавистенъ Гладстонъ, за то, что протестуетъ за честныхъ людей Англии и говоритъ за Славянъ, и противъ Турціи; ей ненавистна самая мысль, что Россія не есть просто какой-нибудь Невскій проспектъ или Кузнецкій мостъ, а нѣчто болѣе сложное и серьезное, съ какою-то народностью, съ какою-то исторіей, съ какими-то тенденціями и съ какимъ-то русскимъ элементомъ...

Невольно я подумалъ, что стало-бы съ бѣдною Россіей, если-бъ она должна была плясать по дудкѣ такого именно русскаго *высшаго общества*. Но, къ счастью, въ этомъ высшемъ обществѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ есть и другая его часть—

часть *большая* которая, благодаря Бога, представляет собою отрадное зрѣлище *русскихъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, женщинъ, появившихъ высокое призваніе своего времени и своего народа, и ставшихъ примѣромъ, то-есть дѣломъ, на высотѣ своего высокаго положенія. Говорятъ, что въ наши дни нѣтъ чудесъ. Да какое-же чудо можетъ быть поразительнѣе тѣхъ періодически повторяющихся въ Россіи событій, которыя направляютъ ея судьбы по волѣ и духу народа, и проявляютъ торжество того духовнаго міра людей, который вѣритъ въ Бога и молится Ему, вѣритъ въ свой народъ и любитъ его, являетъ подвиги самопожертвованія и исполненія долга во имя тѣхъ идеаловъ, которые въ нормальное время кажутся высшему обществу и ея интеллигенціи смѣшными и глупыми!..

Сегодня мы переживаемъ одно изъ такихъ событій. Космополиты русскаго большого свѣта изъ себя лѣзутъ, чтобы захватить политическія событія въ свои бѣленькія ручки, а между тѣмъ незамѣтно и непонятно какъ, черныя ручищи смиреннаго, тихаго, кроткаго, но глубоко вѣрующаго народа двигаютъ событія, безъ криковъ и шума, въ полномъ объединеніи съ другою частью высшаго общества. Великое таинство народа, совер-

шающаго свое историческое призваніе, ощущается въ воздухѣ, но исправники и становые весьма озадачены, ибо не могутъ ни внести оное въ официальные рамки, ни выразить цифрами и именами.

Я гляжу изъ окна вагона. Массы народа на каждой станціи входятъ въ вагоны и выходятъ изъ вагоновъ. Все это именно *народъ*. Я прислушиваюсь къ ихъ разговору. Кто бранится, кто остритъ насчетъ своего сосѣда, кто ищетъ топоръ или пилу, или сумку, кто сапоги подбираетъ на плечи, кто ищетъ воды, чтобы напиться... Я немедленно представляю себя петербургскимъ великосвѣтскимъ чиновникомъ.

— Подлецы, говорю я.

— Кого это вы изволите бранить? спрашиваетъ меня кто-то.

— Да этихъ славянофиловъ.

— За что-же?

— Какъ за что? Вы видите, вы слышите, вотъ онъ народъ, хоть-бы одинъ о войнѣ заговорилъ, хоть-бы одинъ, а увѣряютъ, что народъ хотѣлъ войны.

Я подозвалъ одного крестьянина къ вагону.

— Поди-ка сюда.

— Чего изволите?

— Ты Османъ-пашу знаешь?

— Это Турку-то?

— Да, гдѣ онъ находится, знаешь-ли ты?

— А кто его знаетъ, ваше высокоблагородіе, ихъ тоже, какъ слыхать, много.

— А Оттоманскую Порту знаешь?

— Что-то не слыхалъ.

— Ну, а про братьевъ-Болгаръ слыхалъ?

— Это про нашихъ-то?

— Какіе наши, про Болгаръ, про Славянъ?

— Это должно быть про тѣхъ самыхъ, что Турки рѣжутъ?

Сатанинская улыбка пробѣжала по моимъ губамъ.

— Видите, ничего вѣдь этотъ народъ точно и опредѣленно не знаетъ, сказалъ я,—а изъ-за нихъ изволь-ка платить проценты изъ своего жалованья, да еще съ полтинникомъ въ карманѣ вмѣсто рубля сидѣть.

Вторникъ, вечеръ, между Воронежемъ и Ростовомъ, 4 октября.

Длинная линия, идущая почти по прямому направлению изъ Москвы до Владикавказа, весьма наглядно измѣняетъ свой характеръ по мѣрѣ приближенія къ югу. Отъ Москвы до Рязани линия желѣзной дороги представляетъ собою богатѣйшую жизненную артерію, гдѣ ни на минуту въ теченіе года не притихаетъ движеніе. Отъ Рязани до Воронежа разомъ эта артерія блѣднѣетъ и слабѣетъ. вмѣсто 120—150 тысячъ пассажировъ въ мѣсяцъ, перевозимыхъ по Рязанской дорогѣ, максимумъ доходитъ до 30—40 тысячъ. Затѣмъ, отъ Воронежа къ Ростову еще яснѣе бросается въ глаза уменьшеніе пассажирскаго движенія. Сообраз-

но съ этимъ и дороги устроены. На Рязанской дорогѣ все въ отличномъ состояніи—и рельсовый путь, и надзоръ, и подвижной составъ, и пассажирское движеніе поѣздовъ; на линіи Козлово-Воронежской вы начинаете уже замѣчать, насколько путь хуже и перевозочныя средства слабѣе, чѣмъ на Рязанской дорогѣ, а уже отъ Воронежа до Ростова вы чувствуете подъ собой шаткую почву пути, на которомъ такъ себѣ, безъ всякой особенной понудительной причины, поѣздъ может опрокинуться или соскочить съ рельсовъ. Пассажирскаго движенія такъ мало, что смѣшно. За то товарное съ каждымъ днемъ усиливается, благодаря громадности нуждъ на Кавказѣ и сбыту товаровъ съ Нижегородской ярмарки на югъ. Но, увы! на каждой станціи вы видите, что подвижного состава на перевозку этихъ крайне нужныхъ и крайне многихъ товаровъ недостаетъ. На платформахъ свалены громадныя склады товаровъ и хлѣба: одна часть подъ навѣсомъ, другая подъ брезентами, третья подъ небесами. На Московской станціи Рязанской дороги я имѣлъ случай убѣдиться, какъ велико движеніе товаровъ и транспортовъ на Кавказъ. Однихъ полушубковъ для арміи отправляется до 5,000 пудовъ. Судя по времени отправленія, можно догадываться, что Кав-

казское интендантство на зимнюю кампанію не рассчитывало.

— Когда дойдутъ эти полушубки? спросилъ я у одного изъ приказчиковъ.

— А кто ихъ знаетъ; полагать надо, такъ черезъ мѣсяць.

Отправляя эти полушубки подрядчикъ, знаменитый г. Малкіель. Я говорю знаменитый, ибо кто не знаетъ въ Москвѣ этого подрядчика и поставщика Монте-Кристо, у котораго строятся дворцы въ Москвѣ, какъ у Филиппова пекутся калачи, и который теперь, кромѣ того, приобрѣтаетъ славу могущественнаго благотворителя и жертвователя.

Кстати объ интендантствѣ. Мнѣ припомнился прошлогодній осенній эпизодъ изъ жизни московскихъ интендантскихъ чиновниковъ, исторически вѣрный.

— Хорошо, кабы война была, сказалъ одинъ.

— А на что вамъ такъ хочется? спросилъ его знакомый господинъ.

— Какъ на что? Спустить надо цѣлую партію мундировъ.

— Зачѣмъ-же спустить?

— А за тѣмъ, что какъ война, такъ все сходитъ, а въ мирное время такой партіи не спустить.

— А что, дурна, что-ли?

— Залежалась...

Чиновникъ улыбнулся.

И не одну, вѣрно, рублевую свѣчу ставилъ онъ
иконамъ, моля о войнѣ.

Среда, вечеръ, между Ростовомъ и Владикавказомъ.

Проѣхалъ черезъ Ростовъ-на-Дону въ четвертомъ часу дня. Съ утра глядѣлъ чрезъ открытыя окна, при теплой погодѣ и яркомъ солнцѣ, на свѣтленькіе и тихіе пейзажи донскихъ селеній и станицъ съ ихъ оригинальными ярко-желтыми домиками, амфитеатрами и въ поэтическомъ безпорядкѣ разбросанными по горамъ. Народу много, мужчинъ молодыхъ и зрѣлыхъ мало что-то видно.

— Много воевать пошли? спросилъ я у одного стараго казака.

— Много, отвѣтилъ онъ.

— А казачьки небойсь скучаютъ? сказалъ я, глядя на двухъ молодыхъ казачекъ, стоявшихъ, облокотившись на перила балкона.

— А пускай скучаютъ: казаку воевать, а жинкѣ скучать, отвѣтилъ, ухмыляясь, казакъ.— Скажи только Царь, всѣ казаки пошли-бы на войну, ни одинъ-бы не остался. Турка казака боится, прибавилъ не безъ самодовольствія старикъ.

Послѣ этого простого и поэтическаго въ своей простотѣ вида казацкихъ станицъ, Ростовъ подавляетъ васъ своею громадностью. Громадный вокзалъ, напоминающій германскіе, со швейцаромъ, кричащимъ точь-въ-точь такъ, какъ кличетъ къ поѣзду пассажировъ der Pottier Кельнскаго вокзала. Всюду встрѣча съ суетой и коммерческими типами, говоръ на разныхъ языкахъ, приливъ и отливъ самой разнообразной публики—все это васъ сразу, послѣ тихаго приволья донскихъ станицъ, ошеломляетъ: вы не знаете, гдѣ вы, въ Россіи или въ Европѣ, и когда, послѣ остановки въ вокзалѣ, проѣзжая черезъ широкій Донъ, вы видите предъ собою на громадномъ пространствѣ раскинутый городъ, вы просто поражаетесь его величественностью; но минутъ двадцать спустя, посреди деревушекъ, раскинутыхъ по безконечнымъ степямъ, картина Ростова остается въ памяти, какъ чудесное видѣнье сна или декорація въ театрѣ, и вы снова погружаетесь въ первобытную простоту южной деревни.